

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.8>

Шевченко Оксана Владимировна

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. БЕЛГОРОДА В ОЦЕНКАХ
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПУБЛИЦИСТА П. И. БАРЫШНИКОВА**

Данная статья посвящена анализу оценок деятельности органов местного самоуправления провинциальной либеральной печатью, проводимому в контексте проблемы формирования гражданского общества в России. В работе на основе привлечения малоиспользованных источников, а именно изданий гласного белгородской городской думы Павла Ивановича Барышникова, автором выявлены его оценки различных аспектов деятельности городских властей - процедуры выборов, голосования, механизм принятия решений, эффективность их работы, персональные характеристики и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/8.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 48-52. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. РГИА. Ф. 799. Оп. 16.

14. РГИА. Ф. 806. Оп. 3.

15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 188.

16. Спесивцева Л. В. Римско-католический костел в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 115-118.

17. Терещук Н. М. Роль представителей торгового сословия в религиозно-правственных устоях г. Севастополя в XIX веке // Причерноморье. История, политика, культура. 2011. Вып. VII (III). Серия Б. С. 53-58.

PRIVATE INITIATIVES TO CONSTRUCT RELIGIOUS BUILDINGS IN SEVASTOPOL IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Osipovskii Semen Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor

Beloglazov Roman Nikolaevich, Ph. D. in History

Sevastopol State University

simosip@gmail.com; belovr73@mail.ru

The article analyses the process of religious buildings construction in Sevastopol in the second half of the XIX century with the wide participation of individual philanthropists and representatives of the ethno-religious communities of the city. It is ascertained that the suggestion and implementation of the corresponding initiatives were conditioned by the need to restore those cathedrals and churches that suffered during the Crimean War and to erect new ones. It was connected with the satisfaction of spiritual needs of the city growing population, which was distinguished by confessional diversity. The general economic boom caused by the liberal reforms of Alexander II became a favourable background for it.

Key words and phrases: Sevastopol; Ober-prosecutor; Holy Synod; T. V. Vasilchikova; V. I. Feologo; Orthodoxy; the Karaimes; the Roman Catholics.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 11.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.8>

Данная статья посвящена анализу оценок деятельности органов местного самоуправления провинциальной либеральной печатью, проводимому в контексте проблемы формирования гражданского общества в России. В работе на основе привлечения малоиспользованных источников, а именно изданий гласного белгородской городской думы Павла Ивановича Барышникова, автором выявлены его оценки различных аспектов деятельности городских властей – процедуры выборов, голосования, механизм принятия решений, эффективность их работы, персональные характеристики и др.

Ключевые слова и фразы: российская провинция; Курская губерния; Белгород; либеральная печать; П. И. Барышников; городское самоуправление; гражданское общество.

Шевченко Оксана Владимировна, к.и.н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

shevchenko_o@bsu.edu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. БЕЛГОРОДА В ОЦЕНКАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПУБЛИЦИСТА П. И. БАРЫШНИКОВА

В начале XX столетия в Российской империи происходил процесс модернизации, который, по оценкам исследователей, был сопряжен с формированием институтов гражданского общества, причем в числе одного из самых значимых институтов называется общественное мнение [18, с. 168; 21, р. 226]. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. легальные возможности для выражения взглядов российской общественности существенно расширились, при этом весьма важным коммуникативным каналом здесь выступала печать, особенно оппозиционная. Она получила распространение не только в крупных центрах с более или менее развитой урбанизированной культурой, но и в провинции, где, как правило, было укоренено традиционное мировоззрение. В современной исторической науке уже затрагивалась проблема роли провинциальной прессы в формировании гражданского общества и подчеркивалась её значимость [20]. В этой связи несомненный научный интерес представляет обращение к новым конкретно-историческим примерам деятельности оппозиционной печати в российской провинции как формы проявления гражданской активности. **Целью** настоящего исследования является анализ основных тем, распространенных в оппозиционной печати дореволюционного уездного города, а также оценка роли и значения провинциальной прессы в общественной жизни (на примере города Белгорода Курской губернии).

К началу XX столетия Белгород представлял собой типичный уездный город аграрной глубинки, где из более чем двадцати трех тысяч жителей около половины составляли мещане [17, с. 45]. Общественно-политическая жизнь здесь протекала вяло, однако в 1915 г. один из богатых жителей города – гласный

местной городской думы, человек либеральных взглядов (октябрист) Павел Иванович Барышников стал издавать частную газету под названием «Белгородские силуэты», где сам выступал в качестве издателя, редактора, а также автора большинства очерков и заметок. Это было единственное оппозиционное издание в городе, и по понятным причинам газета вскоре была закрыта (последний 16-й номер вышел в январе 1916 г.), после чего Барышников в качестве продолжения выпустил еще ряд отдельных брошюр той же направленности [1-4].

Целью издания «Белгородских силуэтов», по определению самого Павла Ивановича, было «общественное благо» для которого «надо видеть, что у нас плохо и что хорошо у соседей, чтобы учиться с пользой для нашего общественного хозяйства» [6]. Как истинный либерал Павел Иванович видел свой гражданский долг в том, чтобы посредством свободного обсуждения в прессе «заниматься лечением» существующих в городе проблем, поскольку белгородское общество, по его мнению, было «слишком инертно» и «притерпелось к боли» [4, с. 4].

Центральной темой во всех изданиях Барышникова была критика деятельности белгородских властей – городской думы и городской управы, особенно – белгородского городского головы Ивана Гавриловича Муромцева и еще нескольких человек – членов городской управы и близких к ним людей, «обделывающих свои карманные дела и рвущих общественный пирог» [3, с. 13]. Внимание Павла Ивановича привлекали многие недостатки и изъяны в деятельности городских властей – запущенность почти всех сфер городского хозяйства как следствие халатного отношения к своим обязанностям представителей властей города, процветавших коррупции и кумовства. В этой связи весьма важное значение для Барышникова имела критика фактов дискредитации самой сущности самоуправления как демократического инструмента и механизма реализации общественных интересов, в том числе обеспечения слаженного и полноценного функционирования общественного хозяйства.

К примеру, он посвятил целую серию критических статей и заметок нарушениям в работе белгородской городской думы. С одной стороны, по определению Барышникова, городская дума в Белгороде представляла собой своего рода «салон» Муромцева в том смысле, что принимала решения, угодные его интересам, а также интересам нескольких других «городских заправил» [1, с. 24; 12]. К примеру, он упоминал, что за день-два до заседания гласных объезжал некий «агент» с разъяснениями, как надо решать те или иные вопросы: «...ведь точно барин заказывает повару обед...» [12]. С другой стороны, по мнению Барышникова, белгородская дума в некотором смысле вообще носила номинальный характер и принимала решения, угодные городской управе, а вернее, ее членам и их корыстным устремлениям. Особенно он выделял фигуру секретаря управы Д. Л. Тимофеева: «...фактически головой у нас оказался не голова, а секретарь управы: он всем вертит и командует. Что он хочет, то и творится». По признанию Павла Ивановича, когда он понял, что думе нужны не мнения гласных, а только их подписи, то перестал ходить на заседания: «...изображать из себя мебель или чернильницу я не желаю» [4, с. 34-35].

Помимо этого, в изданиях Барышникова описывались многочисленные процедурные нарушения в работе белгородской городской думы. В статье «Муромцевский кворум» Барышников отмечал, что Муромцев открывал заседания думы, имея «хитроумный» кворум: при необходимости присутствия 18 гласных он, пользуясь правом в экстренных случаях (к примеру, таких как война) открывать заседание при любом составе, считал кворумом наличие всего 13-15 гласных. «Выходит в Белгороде не дума, где все равны между собою и где голова есть тот же гласный, – писал Барышников – но лишь первый по счету среди них. Нет. Здесь что-то вроде гимназического педагогического совета... Где же тут самоуправление?» [12]. В числе других нарушений Барышников называл: отсутствие письменных заявлений гласных, не имеющих возможности прийти на заседание (согласно статье 60 Городового положения 1892 г. в случае отсутствия гласный был обязан письменно уведомить городского голову с указанием причины [15]); разнообразные приписки или, напротив, умалчивание каких-либо фактов в протоколах; намеренное использование при голосовании шаров разного размера (для того чтобы те шары, которые плохо проходят в ящик, можно было бы в суете переложить в другой и подтасовать результаты голосования) [4, с. 31-32; 8; 9].

Что касается состава городской думы Белгорода, то, по данным Павла Ивановича, 35 ее гласных делились на две «партии» – одна «муромцевская», а вторая – «оппозиционная», к которой принадлежал и сам Барышников. Первая первоначально насчитывала 13 человек, во второй соответственно было 22 человека, со временем расстановка сил изменилась, и семь человек «перебежали» в число сторонников Муромцева [1, с. 6]. Скорее всего, это произошло не позднее конца 1915 г., т.к. тема 13-ти «проверенных» гласных неоднократно фигурирует в заметках «Белгородских силуэтов» вплоть до октября 1915 г. [7; 8; 10]. Гласных Белгородской городской думы, среди которых, по определению Барышникова, было немало умных людей, он обвинял в отсутствии гражданского мужества, боязни выступить против городского головы, называл их «безгласными» [14] и полунамеками противопоставлял себе, как человеку, не боящемуся говорить правду и выражать собственную позицию [13]. Причину такой пассивности Павел Иванович усматривал в процветающих в городе коррупции и nepотизме. По его мнению, белгородские гласные, прежде всего, руководствовались личными интересами и, соответственно, связями: «...один арендатор, другой – поставщик, третий – городу сдает в аренду, четвертый – из кассы жалование получает, пятый – хочет примазаться и получать, шестой – друг по клубу, седьмой – в банке по уши увяз и т.д.» [14]. Критические замечания вызвала и культура поведения гласных на заседаниях. Так, в статье с говорящим названием «Курево табачное в официальных заседаниях» Павел Иванович следующим образом характеризовал условия, в которых проходило заседание: «...смад, вонь, дым копот гул... Да неужели это официальное заседание при такой чуть ли не кабацкой или клубной обстановке?» [1, с. 23].

Неоднократно Барышников обращался к теме разного рода нарушений и злоупотреблений в процедуре городских выборов. Например, он описывал случай, когда в ходе выборов белгородской управы на новый срок (1914-1917 гг.) из 35 гласных за прежний состав во главе с Муромцевым проголосовали все те же 13 человек, но к их голосам были добавлены два голоса «представителей ведомств», а также четыре голоса самих членов управы, в итоге получилось 19 «магических хитросклеенных голосов», против 18 гласных, не поддержавших старый состав [7]. Таким образом, «кучка ретроградных дельцов... боясь лишиться сладкого пирога... растоптала идею самоуправления», согласно намекам автора, обеспечив минимальный перевес с помощью «шариков» посторонних «черносотенников» и некоего «обеда в доме Бочаровых» [4, с. 33-34]. Любопытно и замечание Барышникова о том, что «правый» курский губернатор (Н. П. Муратов), который якобы «не любил левого белгородского голову», вопреки ожиданиям его конкурентов, «пропустил» Муромцева на эту должность [4, с. 33; 10]. В благодарность за это, по данным Барышникова, Муромцев подарил Курску солдатские кровати из белгородских казарм, а городу пришлось выделить деньги на строительство нар [10]. Здесь следует отметить, что Муромцев, согласно материалам жандармских отчетов, действительно, стремился показать себя «левым» кадетом только для того, чтобы ему больше «кланялись» [16, д. 4, л. 453 – 457 об.]. При этом, по мнению Барышникова, сложилась парадоксальная ситуация: более всего на словах «левого» Муромцева поддерживали именно белгородские «черносотенники» и в городе не было «усерднее и правее консерватора», чем Муромцев [3, с. 10].

Еще одна обличительная статья была посвящена неформальным связям белгородской управы и городского банка. В одном из очерков постоянной рубрики «Герои нашего времени» указывалось, что в Белгороде директором общественного банка имени Н. Чумичева состоял родственник Муромцева, и они «держат во власти всю думу и управу». К примеру, в декабре 1913 г., когда у белгородской думы уже заканчивался срок полномочий, она выбрала директора банка на следующий срок (1914-1917 гг.), хотя выборы должен был проводить уже новый состав думы. По мнению Барышникова, это было сделано для того, чтобы впоследствии директор в свою очередь помог выбрать в городские головы самого Муромцева. Резюме автора было неутешительным: «...беззаконие по избранию директора в 1913 г. может изменить только Сенат, но в запуганном Белгороде никто не решается прогнать жалобой директора и голову» [Там же, с. 25-26].

Неизменной критике в изданиях П. И. Барышникова подвергались формализм и бюрократизм городских властей, вся деятельность которых будто бы заключалась «в писании канцелярских бумажек» [2, с. 17]. Так, один из корреспондентов «Белгородских силуэтов» возмущенно писал о том, что в заседание думы было внесено сразу три новых инструкции: первая включала 45 правил по содержанию дворов, вторая – 21 правило о парикмахерских, третья – 20 правил о содержании молочных ферм. По мнению автора, «яд бюрократизма тем и губит народную жизнь, что налагает на все стороны ее всеобщую опеку и железные пути... нормирует бумажными правилами» [10]. В статье «Бумажное царство, или Сказ о розыске усердных медведей» подвергался критике чисто формальный, бюрократический подход в организации санитарного надзора в городе. Вместо того чтобы лично инспектировать санитарное состояние, члены управы развели «бумажную санитарную», учредив некий «институт санитарных попечителей», которым на общественных началах (т.е. без оплаты) вменялся в обязанности присмотр за выгребными, помойными ямами и проч. «Да!.. упражняйся даром над наблюдением всяческих экскрементов занятие может быть и “почтенное”, но почему же наши почтенные деятели с почтенными окладами жалования отклоняют от себя эту честь, а наивно ищут по городу для своей замены даровых идеалистов?». При этом в размещенном в том же номере «Белгородских силуэтов» анонимном письме одного из таких санитарных инспекторов, упоминалось, что в инструкции ни слова не говорилось о том, куда нужно сообщать о выявленных нарушениях, соответственно, сам смысл даже такой проверки сводился к нулю [5].

Формализованный подход к делу Барышников усматривал и в работе всякого рода комиссий городской думы, в которые он входил. В частности, в статье «Что я видел в думе и в комиссиях» критиковалась работа школьной, ревизионной, строительной комиссии, а также комиссии по изданию такс. Например, недоумение у автора вызывал тот факт, что школьная комиссия, по сути, не работала и собиралась один раз в год для раздачи стипендий бедным ученицам, тогда как в других городах такие комиссии собирались еженедельно. Деятельность ревизионной комиссии, по определению Павла Ивановича, вызывала «горькие слезы», но о ней речь пойдет ниже. Много «курьезов» Барышников находил и в работе комиссии по изданию такс. Например, в Белгороде, по его мнению, были установлены непроверяемые таксы на булки – 1 фунт за 8 или 12 копеек, но как покупатель мог это проверить, если, к примеру, 1 булка стоила 5 копеек? Для сравнения автор приводил опыт Петрограда и Москвы, где таксы были привязаны к штукам (булок), а не к весу, и, соответственно, хорошо проверяемы. Работа строительной комиссии, по отзывам Барышникова, была плохо продумана. Так, он описывал случай, когда члены комиссии потратили много времени на подбор качественного кирпича для строительства школы, а в результате был использован «битый кирпич с дутиком», приобретенный в счет долга какого-то арендатора. По мнению Павла Ивановича, все это негативно сказывалось на продуктивности деятельности гласных думы: «...при таких странных условиях общественная работа становится невозможной...» [4, с. 33-38].

Также в изданиях Барышникова подвергалось осуждению нарушение принципов прозрачности деятельности городских властей. Белгородская управа обвинялась в том, что она, вопреки городскому положению, нерегулярно печатала отчеты о своей деятельности (ст. 95 Городового положения 1892 г. – *О. III.*), а если и печатала, то эти отчеты содержали не информацию о проделанной работе, а лишь перечень входящих

бумаг с резолюциями. Острую критику вызывали также нарушения в области деятельности вышеупомянутой ревизионной комиссии. По мнению издателя, белгородская управа намеренно чинила препятствия для работы этой комиссии, в частности, вместо перечня рассортированных и систематизированных документов, которые можно проверить, предоставляла ревизорам «бумажную кашу» примерно из 6000 листов. В итоге ревизоры были вынуждены составлять заключение без сверки первичной и бухгалтерской документации, а протокол ревизионной комиссии, по определению автора, представлял собой «шедевр канцелярской поэзии и верх дипломатического искусства», ибо по нему в городском хозяйстве будто бы есть какие-то «темные пятна» но, в конце концов, оказывается, «что это вовсе и не пятна, а дивные блики и все хозяйство сияет в ореоле славы... а зачем же ссориться? Ведь сегодня же все вместе с управой будем в карты играть» [9].

Помимо всего прочего белгородская управа обвинялась в попытках скрыть дефицит бюджета при публикации городской сметы. Подробно разбирая «Смету доходов и расходов г. Белгорода за 1916 г.», автор статьи обвинял управу в утаивании реальных цифр дефицита бюджета в десятки тысяч рублей, который «ловко... запрятали и расписали по разным страничкам», а также в искусственном завышении цифр доходов, дабы не уменьшать цифры расходов, поскольку «к самопожертвованию белгородская управа никогда склонности не питала» [13]. По мнению Барышникова, члены управы не делали никакой реальной работы, и «все хозяйство» у них состояло «в писании канцелярских бумажек»: «...приходят позднею, а уходят раненько» [2, с. 25], при этом получают «жирные оклады» [11].

Общую оценку П. И. Барышниковым деятельности городских властей можно определить названием одной из постоянных рубрик – «Мерзость запустения», где он размещал заметки об удручающем, с его точки зрения, состоянии тех или иных сфер общественного хозяйства: неудовлетворительная работа ассенизационного обхода, антисанитарное состояние общественной бойни, состояние городских больниц, школ, благоустройство улиц и др. – «всюду заброшенность, беспризорность, произвол, своеволие и нерадение» [1, с. 10; 2, с. 16-17]. Отдельное внимание Барышникова привлекал нравственный облик «отцов города», которых он уличал в пьянстве, играх в карты, разврате и прочих вольностях [1, с. 31; 2, с. 19; 12; 14].

Таким образом, в изданиях П. И. Барышникова деятельность белгородской думы и управы оценивалась однозначно критично и признавалась крайне несостоятельной вследствие систематического искажения, нарушения и даже уничтожения (издатель употреблял эпитет «растоптывание») самой сути самоуправления со стороны главных его участников. Типичным для русских либералов начала XX столетия надеждам Павла Ивановича на эффективность институтов и механизмов самоуправления, самодеятельности, «силы» общественного мнения не суждено было сбыться. Вопрос о причинах и обоснованности такого рода оценок должен составить предмет отдельного исследования. Однако сам факт появления и пусть недолгой, но достаточно активной деятельности в тихом уездном городе оппозиционного издания, а также поддержки его со стороны отдельных представителей власти и населения (раскупавшего газету «как горячие пирожки» [19, с. 4]) может рассматриваться как свидетельство наличия зачатков общественной инициативы. В обозначенном контексте полученные результаты являются достоверными и могут быть использованы как при дальнейшем изучении проблемы формирования гражданского общества в Российской империи, так и в учебном процессе при подготовке различных курсов по истории России, истории региона и др.

Список источников

1. Барышников П. И. Провинциальная жизнь: очерки и рассказы. М.: Тип. п/ф «Печатное искусство», 1916. 31 с.
2. Барышников П. И. Провинциальная тина: очерки и рассказы. М.: Тип. п/ф «Печатное искусство», 1916. 31 с.
3. Барышников П. И. Провинциальные дела: очерки и рассказы. М.: Тип. п/ф «Печатное искусство», 1916. 35 с.
4. Барышников П. И. Провинциальные типы: очерки, рассказы и силуэты. М.: Тип. п/ф «Печатное искусство», 1916. 39 с.
5. Белгородские силуэты. 1915. Июнь. № 1.
6. Белгородские силуэты. 1915. Август. № 4.
7. Белгородские силуэты. 1915. Сентябрь. № 6.
8. Белгородские силуэты. 1915. Сентябрь. № 7.
9. Белгородские силуэты. 1915. Сентябрь. № 8.
10. Белгородские силуэты. 1915. Октябрь. № 10.
11. Белгородские силуэты. 1915. Октябрь. № 12.
12. Белгородские силуэты. 1915. Ноябрь. № 13.
13. Белгородские силуэты. 1915. Ноябрь. № 14.
14. Белгородские силуэты. 1915. Декабрь. № 15.
15. Городовое положение. 11 июня 1892 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm> (дата обращения: 12.06.2018).
16. Государственный архив Белгородской области. Ф. 101. Оп. 1.
17. Дреникин А. М. Белгород с уездом: историко-статистический очерк. Х.: Типография Окружного штаба, 1882. 65 с.
18. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
19. Крупенков А. Н. Белгородские силуэты. Очерки, рассказы, заметки и статьи из общественных нравов провинциального Белгорода начала XX столетия. Белгород, 1993. 96 с.
20. Таточенко В. В. Роль провинциальной прессы в формировании гражданского общества в России в конце XIX – начале XX века (по материалам Ярославской губернии): дисс. ... к.и.н. Ярославль, 2010. 241 с.
21. Ely Chr. The Question of Civil Society in Late Imperial Russia // A Companion to Russian History (Blackwell Companions to World History). Blackwell Publishing, Ltd., 2009. P. 225-242.

**BELGOROD LOCAL SELF-GOVERNMENT'S ACTIVITY
IN THE LIBERAL JOURNALIST P. I. BARYSHNIKOV'S ESTIMATES**

Shevchenko Oksana Vladimirovna, Ph. D. in History
Belgorod National Research University
shevchenko_o@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of the evaluation of the local self-government's activity by the provincial liberal press conducted in the context of the problem of the civil society formation in Russia. Resorting to little used sources, namely the councilor of Belgorod Municipal Duma P. I. Baryshnikov's editions, the author reveals his estimates of various aspects of the local authorities' activity – the procedures of elections and voting, the mechanism of decision-making, their work efficiency, personal characteristics, etc.

Key words and phrases: Russian provinces; Kursk province; Belgorod; liberal press; P. I. Baryshnikov; municipal self-government; civil society.

УДК 93

Дата поступления рукописи: 26.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.9>

В статье ставится задача рассмотреть факторы формирования критериев оценки преподавателей у студентов юридических факультетов в период XIX – начала XX века. В результате автор в зависимости от восприятия учащимися политической обстановки, складывающейся в стране, выделяет политические и неполитические критерии. На основе анализа воспоминаний выпускников российских университетов определяется степень влияния личностного восприятия, а также когнитивных искажений на мнение студентов. Особое внимание в работе уделяется исследованию мемуаров выпускников юридических факультетов.

Ключевые слова и фразы: университет; профессура; студенчество; Министерство народного просвещения; критерии оценивания преподавателей; личностное восприятие; когнитивные искажения.

Шмелев Андрей Александрович

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
shmelev-and2013@yandex.ru*

**КРИТЕРИИ ОЦЕНИВАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
СТУДЕНТАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ
В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Сложные взаимоотношения между профессорско-преподавательским сообществом и студенчеством заставляют искать пути решения возможных конфликтов. Особое внимание в данном контексте важно уделить факторам формирования личностного восприятия студента юридического факультета. Следовательно, **актуальность** работы прослеживается в необходимости исследования критериев оценивания преподавателей, которые позволяли одним выпускникам проносить через всю жизнь любовь к Alma mater, а другим – ненавидеть все, что с ней связано. Это, в свою очередь, позволит избежать когнитивных искажений в отношении профессорско-преподавательского состава.

Проблема влияния профессуры на студенчество мало изучена в отечественной историографии. В ходе исследования рассматривались воспоминания студентов в бытность обучения в университете. В связи с этим необходимо выделить мемуары В. Б. Гегидзе, А. Н. Афанасьева, П. Н. Обнинского, Е. Н. Трубецкого и Б. Н. Чичерина. Важность изучения студенческих воспоминаний продиктована, с одной стороны, отражением в них исторического прошлого, а с другой – сохранением деталей той эпохи.

Цель данного исследования – во-первых, анализ критериев оценивания преподавателей в российских университетах на рубеже XIX – начала XX века, а во-вторых, исследование причин когнитивных искажений, влияющих на личностное восприятие студента.

Источниковую базу, позволяющую исследовать критерии оценивания преподавателей, составляют воспоминания студентов русских университетов в XIX – начала XX века. Это связано с тем, что «преподавание принадлежит к разряду деятельностей, силу которых чувствуют только те, на кого обращены они, кто непосредственно испытывает на себе их действие; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатление от... лекции профессора» [4, с. 212].

Научная новизна статьи проявляется в комплексном системном подходе, в рамках которого студенчество рассматривается как динамично-развивающаяся целостная система, имеющая собственную структуру и взаимодействующие элементы. Все это позволяет выделить причины формирования студенческой казуальной атрибуции, что впоследствии может служить для определения результативности работы преподавателя.